

ФАИНА РАНЕВСКАЯ

Лучшие цитаты и афоризмы

Фаина Раневская

Лучшие цитаты и афоризмы

«Издательство АСТ»

Раневская Ф. Г.

Лучшие цитаты и афоризмы / Ф. Г. Раневская — «Издательство АСТ»,

ISBN 978-5-17-080868-7

Фаина Георгиевна Раневская прожила долгую жизнь, она посвятила ее театру. Ушла со сцены за три года до 90-летия. Ее непревзойденное театральное мастерство, талант наивысшей пробы, остроумие надолго останутся в памяти поклонников. Актрису всегда окружали великие люди эпохи, которые ценили ее как друга, как великую актрису, способную поддержать своей верностью, любовью, участием, позитивом. Ее веселые, остроумные анекдоты и высказывания еще при жизни передавались из уст в уста и долго будут радовать читателей мудростью, искрометностью, неожиданным поворотом мысли, тонким юмором, а порой и метким сарказмом. Одна фраза Фаины Раневской способна задать тон всему дню, вызвать улыбку у вас, ваших близких и коллег. Кто знает, может быть, именно ироничный взгляд на жизнь, которым заражают слова актрисы, сделает вас долгожителем и автором собственных, не менее блестящих афоризмов!

ISBN 978-5-17-080868-7

© Раневская Ф. Г.
© Издательство АСТ

Содержание

Сквозь смех и слезы	6
Анекдот или жизнь	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Фаина Раневская

Лучшие цитаты и афоризмы

© ООО «Издательство АСТ», 2014

© Оригинал-макет, ООО «Книжкин Дом», 2014

© Ф. Раневская

Сквозь смех и слезы

А еще, моя хорошая, запомните: плохим людям я себя не доверяю...

А вы знаете, я цветы не люблю. Деревья – мыслители, а цветы – кокетки.

* * *

Бог мой, как прошмыгнула жизнь! Я даже никогда не слышала, как поют соловьи.

* * *

Бог мой, как я стара – я еще помню порядочных людей!

* * *

Бог создал женщин красивыми, чтобы их могли любить мужчины, и глупыми – чтобы они могли любить мужчин.

* * *

Боюсь играть – страшно. А играю шестьдесят лет. И все боюсь, боюсь...

* * *

Видела гнусность: «Дядя Ваня» – фильм. Все как бы наизнанку. Бездарно. Нагло, подло, сделали Чехова скучнейшим занудой, играют подло.

* * *

В Москве можно выйти на улицу одетой как бог даст, и никто не обратит внимания. В Одессе мои ситцевые платья вызывают повальное недоумение – это обсуждают в парикмахерских, зубных амбулаториях, трамвае, частных домах. Всех огорчает моя чудовищная «скудость» – ибо в бедность никто не верит.

* * *

Во время репетиции Завадский за что-то обиделся на актеров, не сдержался, накричал и выбежал из репетиционного зала, хлопнув дверью, с криком: «Пойду, повешусь!» Все были подавлены. В тишине раздался спокойный голос Раневской: «Юрий Александрович сейчас вернется. В это время он ходит в туалет».

* * *

Все, кто меня любили, – не нравились мне. А кого я любила – не любили меня.

* * *

В театре небывалый по мощности бардак, даже стыдно на старости лет в нем фигурировать. В городе не бываю, а больше лежу и думаю, чем бы мне заняться постыдным. Со своими коллегами встречаюсь по необходимости с ними «творить», они все мне противны своим цинизмом, который я ненавижу за его общедоступность...

* * *

В силу ряда причин я не могу сейчас ответить вам словами, какие употребляете вы. Но я искренне надеюсь, что когда вы вернётесь домой, ваша мать выскочит из подворотни и как следует вас искушает.

* * *

В театре меня любили талантливые, бездарные ненавидели, шавки кусали и рвали на части.

* * *

Воспоминания – это богатство старости.

* * *

В старости главное – чувство достоинства. А меня его лишили.

* * *

Вы не представляете, как утомительна популярность моя актерская. К примеру, к Новому году до тысячи приветствий – сижу, как каторжная, пишу ответы любезные... Старая, для того чтобы радоваться всему суетному...

* * *

В семье не без режиссера.

* * *

«Глупость – это род безумия» – это моя всегдашняя мысль в плохом переводе. Бог мой, сколько же вокруг «безумцев»!

* * *

Девушка вышла замуж за еврея. Подружки спрашивают:

– Ну как?

– Ой, девочки, я знала, что евреям делают обрезание, но чтобы так коротко!

* * *

Деляги, авантюристы и всякие мелкие жулики пера! Торгуют душой, как пуговицами.

* * *

Для меня всегда было загадкой, как великие актеры могли играть с актером, у которого нечего взять, нечем заразиться, хотя бы насморком! Как бы растолковать бездари: никто к вам не придет, потому что от вас нечего взять. Я от вас ухожу, потому что у вас нечего взять. А вообще я не признаю слова «играть». Пусть дети играют. Пусть музыканты играют. Актер должен жить.

* * *

Друга любить – себя не щадить.

* * *

«Души же моей он не знал, потому что любил ее». (Толстой.)

* * *

Если больной очень хочет жить, врачи бессильны.

* * *

Если бы я, уступая просьбам, стала писать о себе, это была бы жалобная книга – «Судьба – шлюха».

* * *

Если женщина говорит мужчине, что он самый умный, значит, она понимает, что второго такого дурака она не найдет.

* * *

Если человек зимой, в холод, не подобрал бродячую псину, человек этот дрянь, способный на всякую подлость. И я не ошибаюсь.

* * *

Если у вас бессонница, считайте до трех. А если не поможет – до полчетвертого.

* * *

Если женщина идет с опущенной головой – у нее есть любовник! Если женщина идет с гордо поднятой головой – у нее есть любовник! Если женщина держит голову прямо – у нее есть любовник! И вообще – если у женщины есть голова, то у нее есть любовник!

* * *

Друга любить – себя не щадить.

* * *

Есть же такие дураки, которые завидуют известности.

* * *

Есть люди, в которых живет Бог, есть люди, в которых живет дьявол, есть люди, в которых живут только глисты...

* * *

– Жемчуг, который я буду носить в первом акте, должен быть настоящим, – требует капризная молодая актриса.

– Всё будет настоящим, – успокаивает ее Раневская. – Всё: и жемчуг в первом действии, и яд – в последнем.

* * *

Женщина в театре моет сортир. Прошу ее поработать у меня, убирать квартиру. Ответ: «Не могу, люблю искусство».

* * *

Женщина, чтобы преуспеть в жизни, должна обладать двумя качествами. Она должна быть достаточно умна для того, чтобы нравиться глупым мужчинам, и достаточно глупа, чтобы нравиться мужчинам умным.

* * *

Женщины, конечно, умнее. Вы когда-нибудь слышали о женщине, которая бы потеряла голову только от того, что у мужчины красивые ноги?

* * *

Жизнь моя... Прожила около, все не удавалось. Как рыжий у ковра.

* * *

Жизнь – это небольшая прогулка перед вечным сном.

* * *

Жить надо так, чтобы тебя помнили и сволочи.

* * *

Животных, которых мало, занесли в Красную книгу, а которых много – в Книгу о вкусной и здоровой пище.

* * *

Или я старею и глупею, или нынешняя молодежь ни на что не похожа, – сказала как-то Раневская с горечью. – Раньше я просто знала, как отвечать на их вопросы, а теперь даже не понимаю, о чем они спрашивают.

* * *

Завадскому дают награды не по способностям, а по потребностям. Странно, что у него нет звания «Мать-героиня».

* * *

Иногда приходит в голову что-то неглупое, но и тут же забываю это неглупое. Умное давно не посещает мои мозги.

* * *

Знаете, когда я увидела этого лысого на броневике, то поняла: нас ждут большие неприятности. (О Ленине.)

* * *

Не лажу с бытом! Деньги мешают мне и когда их нет, и когда они есть. (Она жаловалась, что если б у нее было много денег, все узнали бы, какой у нее хороший вкус. Безденежье – верный спутник всей ее жизни.)

* * *

Когда я умру, похороните меня и на памятнике напишите: «Умерла от отвращения».

* * *

Как-то, когда Раневская еще жила в одной квартире с Вульфами, а маленький Алеша ночью капризничал и не засыпал, Павла Леонтьевна предложила:

– Может, я ему что-нибудь спою?

– Ну зачем же так сразу, – возразила Раневская. – Давай еще попробуем по-хорошему.

* * *

Как ошибочно мнение о том, что нет незаменимых актеров.

* * *

Знаете, есть такие крылатые слова: «Талант – это вера в себя». А по-моему, талант – это неуверенность в себе и мучительное недовольство собой, своими недостатками, чего я, кстати, никогда не встречала у посредственности. Они всегда так говорят о себе: «Сегодня я играл изумительно, как никогда!», «Вы знаете, какой я скромный? Вся Европа знает, какой я скромный!»

* * *

За исполнение произведений на эстраде и в театре писатели и композиторы получают авторские отчисления с кассового сбора.

Раневская как-то сказала по этому поводу:

– А драматурги неплохо устроились – получают отчисления от каждого спектакля своих пьес! Больше ведь никто ничего подобного не получает. Возьмите, например, архитектора Рерберга. По его проекту построено в Москве здание Центрального телеграфа на Тверской. Даже доска висит с надписью, что здание это воздвигнуто по проекту Ивана Ивановича Рерберга. Однако же ему не платят отчисления за телеграммы, которые подаются в его доме!

* * *

Как жестоко наказал меня «создатель» – дал мне чувство сострадания. Сейчас в газете прочитала, что после недавнего землетрясения в Италии, после гибели тысяч жизней, случилась новая трагедия – снежная буря. Высота снега до шести метров, горы снега обрушились на дома (очевидно, где живет беднота) и погребли под собой все. Позвонила Н.И., рассказала ей о трагедии в Южной Италии и моем отчаянии. Она в ответ стала говорить об успехах своей книги!

...Как же мне одиноко в этом страшном мире бед и бессердечия.

Если бы на всей планете страдал хоть один человек, одно животное, – и тогда я была бы несчастной, как и теперь.

«Как много любви, а в аптеку сходить некому», – сказала Фаина Раневская о поклонниках, дарящих ей цветы охапками.

* * *

Как унизительна моя жизнь.

* * *

Когда мне не дают роли, чувствую себя пианисткой, которой отрубили руки.

* * *

Критикессы – амазонки в климаксе.

* * *

Кто-то заметил: «Никто не хочет слушать, все хотят говорить». А стоит ли говорить?

* * *

Когда я утром просыпаюсь и чувствую, что у меня ничего не болит – я думаю, что уже померла!

* * *

Кто бы знал мое одиночество? Будь он проклят, этот самый талант, сделавший меня несчастной. Но ведь зрители действительно любят? В чем же дело? Почему ж так тяжело в театре? В кино тоже Гангстеры.

* * *

Когда у Раневской спрашивали, почему она не ходит на беседы Завадского о профессии актера, Фаина Георгиевна отвечала:

– Я не люблю мессу в бардаке.

* * *

Кто-то сказал, кажется Стендаль: «Если у человека есть сердце, он не хочет, чтобы его жизнь бросалась в глаза». И это решило судьбу книги. Когда она усыпала пол моей комнаты, – листы бумаги валялись обратной стороной, т. е. белым, и было похоже, что это мертвые птицы. «Воспоминания» – невольная сплетня.

* * *

Куда эти чертовы деньги деваются, вы мне не можете сказать? Разбегаются, как тараканы, с чудовищной быстротой.

* * *

Лесбиянство, гомосексуализм, мазохизм, садизм – это не извращения. Извращений, собственно, только два: хоккей на траве и балет на льду.

* * *

Люблю музыку – Бах, Глюк, Гендель, Бетховен, Моцарт. Люблю Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна – как он угадал Лермонтова в «Маскараде».

* * *

Кто, кроме моей Павлы Леонтьевны, хотел мне добра в театре? Кто мучился, когда я сидела без работы? Никому я не была нужна. Охлопков, Завадский, Александр Дмитриевич Попов были снисходительны, Завадский ненавидел. Я бегала из театра в театр, искала, не находила. И это все. Личная жизнь тоже не состоялась. ...В театре Завадского заживо гнию.

* * *

Меня забавляет волнение людей по пустякам – сама была такой же дурой. Теперь перед финишем понимаю ясно, что все пустое. Нужна только доброта, сострадание.

* * *

Мучительная нежность к животным, жалость к ним, мучаюсь по ночам, к людям этого уже не осталось. Старух, стариков только и жалко, никому не нужных.

* * *

Мне попадались люди, не любящие Чехова, но это были люди, не любившие никого, кроме самих себя.

* * *

Моя жизнь: одиночество, одиночество, одиночество до конца дней.

* * *

Мысли тянутся к началу жизни – значит, жизнь подходит к концу.

* * *

...Наверное, я чистая христианка. Прощаю не только врагов, но и друзей своих.

* * *

Напора красоты не может сдержать ничто! (Глядя на прореху в своей юбке.)

* * *

Научиться быть артистом нельзя. Можно развить свое дарование, научиться говорить, изъясняться, но потрясать – нет. Для этого надо родиться с природой актера.

* * *

Моя любимая болезнь – чесотка: почесался и ещё хочется. А самая ненавистная – геморрой: ни себе посмотреть, ни людям показать.

* * *

Народ у нас самый даровитый, добрый и совестливый. Но практически как-то складывается так, что постоянно, процентов на 80, нас окружают идиоты, мошенники и жуткие дамы без собачек. Беда!

* * *

Нас приучили к одноклеточным словам, куцым мыслям – играй после этого Островского!

* * *

Недавно прочитала в газете: «Великая актриса Раневская». Стало смешно. Великие живут как люди, а я живу бездомной собакой, хотя есть жилище! Есть приبلудная собака, она живет моей заботой, – собакой одинокой живу я, и недолго, слава Богу, осталось. Кто бы знал, как я была несчастна в этой проклятой жизни, со всеми своими талантами. Кто бы знал мое одиночество! Успех – глупо мне, умной, ему радоваться.

* * *

Невоспитанность в зрелости говорит об отсутствии сердца.

* * *

Ничего кроме отчаянья от невозможности что-либо изменить в моей судьбе.

* * *

Нет болезни мучительнее тоски.

* * *

Ничто так не дает понять и ощутить своего одиночества, как когда некому рассказать свой сон.

* * *

– Нонна, а что, артист Н. умер?
– Умер.
– То-то я смотрю, он в гробу лежит...

* * *

Ночью болит все, а больше всего – совесть.

* * *

Ну и лица мне попадаются, не лица, а личное оскорбление! В театр вхожу, как в мусоропровод: фальш, жестокость, лицемерие. Ни одного честного слова, ни одного честного глаза! Карьеризм, подлость, алчные старухи.

* * *

– Ну-с, Фаина Георгиевна, и чем же вам не понравился финал моей последней пьесы?
– Он находится слишком далеко от начала.

* * *

Одиночество как состояние не поддается лечению.

* * *

Одиночество – это состояние, о котором некому рассказать.

* * *

Однажды ей позвонил молодой человек, сказав, что работает над дипломом о Пушкине. На эту тему Раневская была готова говорить всегда. Он стал приходить чуть ли не каждый день. Приходил с пустым портфелем, а уходил с тяжеленным – вынес половину библиотеки. Она знала об этом. «И вы никак не реагировали?» – «Почему? Я ему страшно отомстила!» – «Как же?» – «Когда он в очередной раз ко мне пришел, я своим голосом в домофон сказала: “Раневской нет дома”».

* * *

(О том времени, когда начали выдавать паспорта.) «Можно было назвать любую дату – метрик никто не требовал. Любочка (Л. Орлова) скостила себе десяток лет, я же, идиотка, только год или два – не помню. Посчитала, что столько провела на курортах, а курорты, как известно, не в счет!»

* * *

Однажды начало генеральной репетиции перенесли сначала на час, потом еще на 15 минут. Ждали представителя райкома – даму очень средних лет, заслуженного работника культуры. Раневская, все это время не уходившая со сцены, в сильнейшем раздражении спросила в микрофон:

– Кто-нибудь видел нашу ЗасРаКу?!

* * *

Он умрет от расширения фантазии. (О режиссере Ю. Завадском.)

* * *

Оптимизм – это недостаток информации.

* * *

О розах: «Посмотрите, какое величие! Нельзя оторваться от них, не думать о них. Они стареют, у нас на глазах распускаясь. Первый человек, который сравнил женщину с розой, был поэтом. А второй – пошляком».

* * *

Орфографические ошибки в письме – как клоп на белой блузке.

* * *

Перечитываю Бабеля в сотый раз и все больше и больше изумляюсь этому чуду убиенному.

* * *

Очень тяжело быть гением среди козявок.

* * *

Очень завидую людям, которые говорят о себе легко и даже с удовольствием. Мне этого не хотелось, не нравилось.

* * *

О режиссере: перпетум кобеле.

* * *

О своих работах в кино: «Деньги съедены, а позор остался».

* * *

Поняла, в чем мое несчастье: я, скорее, поэт, доморощенный философ, «бытовая дура» – не лажу с бытом! Вещи покупаю, чтобы их дарить. Одежду ношу старую, всегда неудачную. Урод я.

* * *

Перестала думать о публике и сразу потеряла стыд. А может быть, в буквальном смысле «потеряла стыд» – ничего о себе не знаю.

* * *

– Ох, вы знаете, у Завадского такое горе!
– Какое горе?
– Он умер.

* * *

Пи-пи в трамвае – все, что он сделал в искусстве.

* * *

Поклонница просит домашний телефон Раневской. Она:
– Дорогая, откуда я его знаю? Я же сама себе никогда не звоню.

* * *

«Перед великим умом склоняю голову, перед Великим сердцем – колени» – Гете. И я с ним заодно. Раневская.

* * *

Понятна мысль моя неглубокая?

* * *

После очередной стычки с главным режиссером Мосфильма Иваном Пырьевым Раневская сказала, что она лучше будет принимать «антипырьин» три раза в день, чем согласится на совместную работу.

* * *

Принесли собаку, старую, с перебитыми ногами. Лечили ее добрые собачьи врачи. Собака гораздо добрее человека и благороднее. Теперь она моя большая и, может быть, единственная радость. Она сторожит меня, никого не пускает в дом. Дай ей Бог здоровья!

* * *

«Просящему дай» – Евангелие. А что значит отдавать и непросящему? Даже то, что нужно самому?

* * *

Против кого дружим, девочки? (Заглядывая в комнату, где сидели актрисы и про кого-то бурно сплетничали.)

* * *

Проклятый девятнадцатый век, проклятое воспитание: не могу стоять, когда мужчины сидят.

* * *

Птицы ругаются, как актрисы из-за ролей. Я видела, как воробушек явно говорил колкости другому, крохотному и немощному, и в результате ткнул его клювом в голову. Все, как у людей.

* * *

Ребенка с первого класса школы надо учить науке одиночества.

* * *

Прислали на чтение две пьесы.

Одна называлась «Витаминчик», другая – «Куда смотрит милиция?».

Потом было объяснение с автором, и, выслушав меня, он грустно сказал: «Я вижу, что юмор вам недоступен».

* * *

Раневская кочевала по театрам. Театральный критик Наталья Крымова спросила:

– Зачем все это, Фаина Георгиевна?

– Искала... – ответила Раневская.

– Что искали?

– Святое искусство.

– Нашли?

– Да.

– Где?

– В Третьяковской галерее...

* * *

Сказка – это когда женился на лягушке, а она оказалась царевной. А быль – это когда наоборот.

* * *

Сегодня была у Щепкиной-Куперник, которая говорила о корректоре, который переделал фразу «...на камне стояли Марс и Венера» в «МАРКС и Венера».

* * *

Самое ужасное – обидеть, огорчить человека, ударить собаку, не покормить ее голодную.

* * *

Сегодня встретила «первую любовь». Шамкает вставными челюстями, а какая это была прелесть...

Мы оба стесняемся нашей старости.

* * *

Сейчас, когда человек стесняется сказать, что ему не хочется умирать, он говорит так: очень хочется выжить, чтобы посмотреть, что будет потом. Как будто если бы не это, он немедленно был бы готов лечь в гроб.

* * *

Страшно, когда тебе внутри восемнадцать, когда восхищаешься прекрасной музыкой, стихами, живописью, а тебе уже пора, ты ничего не успела, а только начинаешь жить!

* * *

Склероз нельзя вылечить, но о нем можно забыть.

* * *

Сняться в плохом фильме – все равно, что плюнуть в вечность.

* * *

Соседка, вдова моссоветовского начальника, меняла румынскую мебель на югославскую, югославскую – на финскую, нервничала. Руководила грузчиками... И умерла в 50 лет на мебельном гарнитуре. Девчонка!

* * *

Союз глупого мужчины и глупой женщины порождает мать-героиню. Союз глупой женщины и умного мужчины порождает мать-одиночку. Союз умной женщины и глупого мужчины порождает обычную семью. Союз умного мужчины и умной женщины порождает легкий флирт.

* * *

Самое сильное чувство – жалость.

* * *

Старая харя не стала моей трагедией – в 22 года я уже гримировалась старухой и при-
выкла, и полюбила старух в моих ролях. А недавно написала моей сверстнице: «Старухи, я
любила вас, будьте бдительны!»

Книппер-Чехова, дивная старуха, однажды сказала мне: «Я начала душиться только в
старости».

Старухи бывают ехидны, а к концу жизни бывают и стервы, и сплетницы, и негодяйки...
Старухи, по моим наблюдениям, часто не обладают искусством быть старыми. А к старости
надо добреть с утра до вечера!

* * *

Старость – это когда беспокоят не плохие сны, а плохая действительность.

* * *

Старость – это просто свинство. Я считаю, что это невежество Бога, когда он позволяет
доживать до старости.

* * *

Спутник славы – одиночество.

* * *

Стараюсь припомнить, встречала ли в кино за 26 лет человекообразных? Пожалуй, один
Черняк, умерший от порядочности.

* * *

Старость – это время, когда свечи на именинном пироге обходятся дороже самого пирога,
а половина мочи идет на анализы.

* * *

Странно – абсолютно лишенная (тени) религиозной, я люблю до страсти религиозную
музыку. Гендель, Глюк, Бах!

* * *

С упоением была бы морды всем халтурщикам, а терплю. Терплю невежество, терплю
вранье, терплю убогое существование полuniщенки, терплю и буду терпеть до конца дней.
Терплю даже Завадского.

* * *

Семья заменяет все. Поэтому, прежде чем ее завести, стоит подумать, что тебе важнее: все или семья.

* * *

У моей знакомой две сослуживицы: Венера Пантелеевна Солдатова и Правда Николаевна Шаркун.

А еще: Аврора Крейсер.

* * *

Удивительно, когда мне было 20 лет, я думала только о любви. Теперь же я люблю только думать.

* * *

«Еще осенний лес не жалок,
Еще он густ и рыж, и ал» – стихи молодого поэта из Тулы (по радио).
– О Бог мой, за что мне такое!

* * *

Толстой сказал, что смерти нет, а есть любовь и память сердца. Память сердца так мучительна, лучше бы ее не было... Лучше бы память навсегда убить.

* * *

То, что актер хочет рассказать о себе, он должен сыграть, а не писать мемуаров. Я так считаю.

«То, что писатель хочет выразить, он должен не говорить, а писать» – Э. Хемингуэй.

* * *

«У вас такой же недостаток, что и у меня. Нет, не нос – скромность!» – Фаина Раневская Елене Камбуровой.

* * *

– Сударыня, не могли бы вы разменять мне сто долларов?
– Увы! Но благодарю за комплимент!

* * *

Умный знает, как выпутаться из трудного положения, а мудрый никогда в него не попадает.

* * *

Узнала ужас одиночества... Большой это труд жить на свете. И такая печаль, такая печаль... Я одинока...

Мой голос звучит в пустоте уныло, и никто не слышит меня... Что такое одиночество, мне известно хорошо...

Живется трудно, одиноко, до полного отчаяния...

* * *

...У них у всех друзья такие же, как они сами, – контактные, дружат на почве покупок, почти живут в комиссионных лавках, ходят друг к другу в гости. Как завидую им, безмозглым!

* * *

В Одессе, в магазине шляп:

– Соня, посмотри, эта дама богиня?

– Форменная богиня.

– Эта шляпа сделает вам счастье.

* * *

В Столешниковом:

– Маня, отпусти даме шляпу.

– Не могу, я сегодня на кепах.

* * *

Талант – он как прыщик, не выбирает, на чьей заднице вскочить. (Это – о чрезвычайно глупом артисте.)

* * *

Фаина Георгиевна не раз повторяла, что не была счастлива в любви: «Моя внешность испортила мне личную жизнь».

* * *

Ужасно раздражают голоса.

* * *

Чем я занимаюсь? Симулирую здоровье.

* * *

«Усвоить психологию импровизирующего актера – значит найти себя как художника». – М. Чехов. Следую его заветам.

* * *

Успех – единственный непростительный грех по отношению к близкому.

* * *

Четвертый раз смотрю этот фильм и должна вам сказать, что сегодня актеры играли как никогда.

* * *

...Торговали душой, как пуговицами.

* * *

- Фаина Георгиевна, как ваши дела?
- Вы знаете, милочка, что такое говно? Так оно по сравнению с моей жизнью – повидло.
- Как ваша жизнь, Фаина Георгиевна?
- Я вам ещё в прошлом году говорила, что говно. Но тогда это был марципанчик.

* * *

Я – многообразная старуха.

* * *

Читаю Даррела, у меня его душа, а ум курицы. Даррел – писатель изумительный. А его любовь к зверю делает его самым близким сегодня в злом мире.

* * *

Читаю дневник Маклая, влюбилась и в Маклая, и в его дикарей.

* * *

Это не театр, а дачный сортир. В нынешний театр я хожу так, как в молодости шла на аборт, а в старости – рвать зубы. Ведь знаете, как будто бы Станиславский не родился. Они удивляются, зачем я каждый раз играю по-новому.

* * *

«Я Бог гнева! – говорит Господь» (Ветхий Завет). Это и видно!!!

* * *

Я вообще, мой дорогой, очень не люблю высказываться. Для меня актер полностью самовыражается только в своем творчестве. Я всегда завидовала актерам, которым удавалось выявить себя творчески до конца – завидовала им светлой завистью.

* * *

Чтобы мы видели, сколько мы переедаем, наш живот расположен на той же стороне, что и глаза.

* * *

Я в своей жизни не сделала 99 % из 100.

* * *

Я, в силу отпущенного мне дарования, пропищала, как комар.

* * *

«Я не знала успеха у себя самой... У меня хватило ума глупо прожить жизнь», – уже перед самой смертью жаловалась Фаина Раневская.

* * *

Я – выкидыш Станиславского.

* * *

Я говорила долго и неубедительно, как будто говорила о дружбе народов.

* * *

Я не знаю системы актерской игры, не знаю теорий.

Все проще! Есть талант или нет его... Научиться таланту невозможно, изучать систему вполне возможно и даже принято, может быть, потому мало хорошего в театре.

* * *

Я дожила до такого времени, когда исчезли домработницы. И знаете, почему? Все домработницы ушли в актрисы.

Вам не приходило в голову, что многие молодые актрисы напоминают домработниц? Так вот, у меня домработница опекает собаку. Та живет, как Сара Бернар, а я – как сенбернар.

* * *

Я, как старая пальма на вокзале, – никому не нужна, а выбросить жалко.

* * *

Я жила со многими театрами, но так и не получила удовольствия.

* * *

Я себя чувствую, но плохо.

* * *

«85 лет при диабете – не сахар», – сетовала Фаина Георгиевна.

* * *

Я провинциальная актриса. Где я только ни служила! Только в городе Вездесранске не служила!..

* * *

– Я обожаю природу.

– И это после того, что она с тобой сделала?

* * *

Я не прима-балерина, не душка тенор, даже не драматическая героиня. Я – характерная актриса. И играю-то часто людей смешных, совсем не симпатичных, а иногда даже просто отвратительных.

* * *

...Я обязана друзьям, которые оказывают мне честь своим посещением, и глубоко благодарна друзьям, которые лишают меня этой чести.

Анекдот или жизнь

Актрису, мнившую себя неотразимой красавицей, Раневская спрашивает:

- Вам никогда не говорили, что вы похожи на Брижит Бардо?
- Нет, никогда, – ответила та в ожидании комплимента.
- И правильно, что не говорили.

* * *

- А вы куда хотели бы попасть, Фаина Георгиевна, – в рай или ад? – спросили у Раневской.
- Конечно, рай предпочтительнее из-за климата, но веселее мне было бы в аду – из-за компании, – рассудила Фаина Георгиевна.

* * *

В 1950 году на гастролях в Ленинграде ей был предложен роскошный номер в гостинице «Европейской» с видом на Русский музей, сквер, площадь Искусств. Раневская охотно заняла его и несколько дней в хорошем расположении духа принимала своих ленинградских друзей, рассказывала анекдоты, обменивалась новостями, ругала власть и чиновников. Через неделю к ней пришел администратор и очень вежливо предложил переехать в такой же номер на другом этаже.

- Почему? – возмутилась Фаина Георгиевна. – Номеров много, а Раневская у вас одна.
- Да, да, – лепетал администратор, – но мы очень вас просим переехать, там вам будет удобнее.
- Мне и здесь хорошо, – отказалась Фаина Георгиевна.

Пришел директор «Европейской» и, включив воду в ванной, объяснил, что ждет на днях высокое лицо, а этот номер в гостинице единственный, оборудованный прослушивающим устройством.

После этого Фаина Георгиевна моментально переехала и не спала на новом месте оставшиеся ночи, вспоминая свои высказывания в прежнем номере и размышляя о том, что с ней теперь будет.

* * *

В Доме актера Раневскую остановил один из руководителей Союза писателей:

– Здравствуйте, Фаина Георгиевна! Как ваши дела?

– Очень хорошо, что вы спросили. Хоть кому-то интересно, как я живу! Давайте отойдем в сторону, и я вам все расскажу.

– Нет-нет, извините, но я очень спешу. Мне, знаете ли, надо на заседание...

– Но вам же интересно, как я живу! Что же вы сразу убегаете, вы послушайте. Тем более, что я вас не задержу надолго, минут на сорок, не больше.

Собеседник решил спастись бегством.

– Зачем же тогда спрашивать, как живу?! – кричала ему вслед Раневская.

* * *

Эрзац-внук (Алексей Щеглов) пришел к Раневской с любимой девушкой и представляет ее:

– Фаина Георгиевна, это Катя. Она умеет отлично готовить, любит печь пироги, аккуратно прибирает квартиру.

– Прекрасно, мой мальчик! Тридцать рублей в месяц, и пусть приходит по вторникам и пятницам.

* * *

Во время войны не хватало многих продуктов, в том числе и куриных яиц. Для приготовления яичницы и омлетов пользовались яичным порошком, который поставляли в Россию американцы по ленд-лизу. Народ к этому продукту относился недоверчиво, поэтому в прессе постоянно печатались статьи о том, что порошок очень полезен, натуральные же яйца, наоборот, очень вредны.

Война закончилась, появились продукты, и яйца стали возникать на прилавках все чаще. В один прекрасный день несколько газет поместили статьи, утверждающие, что яйца натуральные очень полезны и питательны. Говорят, в тот вечер Раневская звонила друзьям и сообщала:

– Поздравляю, дорогие мои! Яйца реабилитировали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.